

ПЕДАГОГИКА И МЕТОДИКА ОБУЧЕНИЯ

Л.А. Казакова

ФУНКЦИИ БЫТОПИСАТЕЛЬНЫХ МОТИВОВ В КОМИЧЕСКОЙ ПОЭМЕ («ЕЛИСЕЙ, ИЛИ РАЗДРАЖЕННЫЙ ВАКХ» В.И. МАЙКОВА И «ДУШЕНЬКА» И.Ф. БОГДАНОВИЧА)

Русская литература второй половины XVIII в. отмечена расцветом жанра комической поэмы, "низовая" и "салонная" разновидности которого сложились под влиянием поэмы В.И.Майкова "Елисей, или раздраженный Вахх" (1771) и "Душеньки" И.Ф.Богдановича (1783). Представлявшие собой реализацию одного и того же жанра, комические поэмы "низового" и "салонного" типов значительно отличались с точки зрения жанровой структуры, что было вызвано более поздним появлением "салонной" комической поэмы, в новых историко-литературных условиях решавшей новые задачи. В частности, в ходе литературной эволюции существенно изменилась функциональная нагрузка бытописательных мотивов комической поэмы.

В поэме Майкова "Елисей, или раздраженный Вахх" бытописательные мотивы были подчинены пародийному заданию текста (поэма была задумана в качестве пародии на выполненный В.П.Петровым перевод "Энеиды", поэтому зарисовки быта в ней служили средством травестийного снижения текста "второго плана") и его сатирической модальности. "Боевой сатирический характер "Елисея" позволил Майкову внести в эту поэму обильный бытовой материал, немало острых зарисовок подлинной социальной действительности его времени" - писал Г.А.Гуковский [1, с. 162].

Действительно, в поэме удачно представлен целый ряд реалистичных жанровых эпизодов из жизни крестьян и представителей петербургского мещанства и преступного мира. Это и картина полицейского участка, где "зрелися везде томления и слезы":

Покойно там не спят и сладко не едят [...]
Лишены вольности, напрасно стон теряют,
И своды страшные их стон лишь повторяют... [2, с. 137],

и описание Калинкиного дома, в котором принудительной работой исправляли "вольных" женщин:

Единые из них лен в нитки превращали,
Другие кружева из ниток тех плели,
Иные кошельки с перчатками вязли... [2, с. 139],

и жизненно правдивая картина земельных отношений соседствующих крестьянских общин, чьи пажиты "всегда бывали в споре" и поэтому "сняла с них траву сильнейшая рука" [2, с. 141].

Майков проявил себя внимательным наблюдателем народной жизни, сумевшим создать яркие и достоверные бытовые зарисовки. Наличие подобных сцен в поэме давало повод советской науке считать ее "отражением третьесловных настроений, нашедших себе выражение и в Комиссии 1767 г. и в Пугачевском восстании" [3, с. 65]. Серьезная, "социальная" трактовка "Елисея" поддерживалась целым рядом ученых [4], однако не могло остаться незамеченным и то обстоятельство, что во многих эпизодах поэмы авторское отношение к героям из демократической среды приобретает явно ироническую окраску. Отсюда наряду с представлением о том, что поэма является "отражением классовой борьбы", возникло и прямо противоположное мнение, согласно которому "Елисей" являет собой "барскую насмешку над бытом простонародья" [5, с. LI]. И лишь в последние десятилетия, главным образом в работах Н.И. Николаева, было справедливо отмечено, что при "социальном" прочтении поэмы оказывается "избыточным, нецелесообразным, а порой и прямо скрывающим острые углы социальных противоречий" смеховое начало текста [6, с. 86].

Всякая серьезная сцена поэмы завершается ее "опрокидыванием" в смеховой мир. Так, авторское повествование о пребывании Елисея в "рабочем доме" для вольных женщин, равно как и рассказ самого героя о его службе в качестве ямщика, включают в себя целый ряд реминисценций из барковианы [7], а сцена страданий темничных невольников завершается появлением в авторском рассказе материально-телесных тем, карнавальной образности, сопряженной с мотивами переодевания (преображение Елисея в "молодицу"), и комическим сопоставлением героя с персонажами лубочных повестей.

Изображенный Майковым быт крайне редко выступает в полноценном безоценочном облике. Показательно, что героями поэмы являются не просто крестьяне и мастеровые, а представители социального дна (колодники, пьяницы и проститутки), а ее бытовые зарисовки нередко складываются из нагромождения самых грубых деталей реальности, словно специально выисканных поэтом для того, чтобы бурлескный эффект от столкновения реально-бытового и условно-мифологического планов сюжета был максимальным:

Юнона не в венце была, но в треухе,
А Зевс не на орле сидел, на петухе [...]
Владетель горних мест, межоблачных зыбей,
Заснул, и подпустил Юноне голубей,
От коих мать богов свой нос отвортила... [2, с. 128].
Старухе между тем хотелось на двор;
Она трепещущей рукою таз достала
И только исполнять свою лишь нужду стала... [2, с. 155]

Обилие подобных мест в "Елисее" заставляет усомниться в справедливости утверждения О.Б. Лебедевой о том, что "бытовой мирозобраз" поэмы "имеет нейтральный эстетический смысл" [8, с. 214]. Напротив, бытовая сторона жизни подвергается Майковым вполне определенной оценке: она несет на себе отрицательное знаковое качество, трактуется как "низкая", а ее соединение с "высоким" сюжетом "Энеиды", равно как и погружение в бытовую стихию жизни персонажей плана "чудесного", закономерно приводит к бурлескному эстетическому эффекту, обеспечивающему реализацию пародийного замысла. Жизненная эмпирия обрела право на отражение в искусстве слова, лишь преодолев стадию "смехового" бытия в литературе, и "Елисей" еще не вышел за границы этой стадии, хотя некоторые тенденции в данном направлении отмечаются и в нем.

Начиная с третьей песни, поэма Майкова сильно отклонилась от сюжетной схемы "Энеиды". Дело в том, что в 1770 г. вышла в свет лишь первая песнь перевода Петрова. Не имея источника для пародийной интерпретации, Майков был вынужден выстраивать дальнейший ход

событий самостоятельно, исходя из специфики сложившегося в первой части поэмы характера главного героя. Поскольку же Елисей был персонажем бытового плана, ход работы Майкова над поэмой создавал условия для отображения в ней бытового аспекта жизни как явления, обладающего самостоятельной ценностью.

Действительно, жанровые сцены второй части поэмы рождены не столько намерением автора создать комическое отражение высокого бытия героев эпопеи, сколько стремлением выстроить правдоподобный, пластический образ мира, окружающего "низовых" героев поэмы.

Обращение к натуралистическому описанию материального существования рядовых людей, которое в конечном итоге вело к расширению границ поэтического творчества, ставило Майкова в один ряд с представителями демократического писательского лагеря 1760-1770-х гг., постигавшими материально-бытовую сферу реальности в жанрах романа и комической поэмы. Однако доминирование пародийного начала в жанровом "составе" "Елисея", определившее подход к бытовому аспекту жизни исключительно как к средству комического снижения "высоких" персонажей и событий эпопеи, обусловило подчиненное положение бытописательных элементов в структуре поэмы. Поэтому и во второй ее части, где пародийное задание, казалось бы, отступило на второй план, Майков следовал инерции той трактовки быта, которая сложилась в первых песнях. Не допуская возможности бытописания вне задач комической интерпретации, выразительные жанровые эпизоды Майков неизменно завершал сравнениями своих персонажей с "высокими" эпическими или мифологическими героями: купчиху он сопоставляет с Данаей, старуху ворожею - с Медеей, кулачного бойца - с Аяксом, а Елисея - с Ахиллесом.

Впрочем, уже совсем скоро бытописание стало использоваться в комической поэме не только для целей создания бурлескного эффекта.

В "Душеньке" Богдановича не были актуальны ни пародийная, ни сатирическая установка. Из тех задач, решение которых в "Елисее" обеспечивалось разработкой бытописательных мотивов, прежнее значение сохранила лишь трагедийная трактовка античного сюжета. В "Душеньке" она осуществлялась главным образом посредством русификации мифологического материала - приема, не получившего широкого применения в "Елисее". Перемещение Майковым сюжетных событий "Энеиды" в условия современной писателю русской жизни делало возможным использование данного приема только в сценах "олимпийского" плана. В отличие от этого, события "Душеньки" происходят "в старинной Греции, в Юпитерово время", что позволяет извлечь комический эффект из наполнения мифологического пространства бытовыми атрибутами и реалистическими подробностями русской жизни. Отец Душеньки велит "сухари готовить для дороги", приглашает друзей "откушать хлеба-соли"; разгневанная Венера "велела наскоро в дорожку колесницу / Шестнадцать почтовых Зефиров заложить"; в ее параде один из тритонов, напоминающий русского кучера,

[...] на козлы сев проворно,
Со встречными бранится вздорно,
Раздаться в стороны велит,
Вожжами гордо шевелит...;

сестры царевны, которых зефиры "несут [...] к земному шару / Припрягши в путь Бореев пару", собираясь в гости к Амуру, "не прочили белил, ни мушек, ни румян" [9, с. 52, 54, 90, 124]; мифологические амурсы ведут себя подобно русской дворне, а нимфы водят хороводы. Таким образом, бытописание в "Душеньке" создает тот же стилиевой диссонанс, что и в "Елисее", и с этой точки зрения служит той же цели трагедийного снижения "высокого" сюжета, что и в поэме Майкова. Однако наряду с этим оно выполняет в "Душеньке" и иные функции, не имеющие ничего общего с задачами комической интерпретации.

Как мы успели заметить, уже в "Елисее" созрели предпосылки для отношения к быту как к средству создания достоверного образа мира, окружающего героев, как к способу характерологии. Эти тенденции, не получившие в поэме Майкова достаточного развития, в "Душеньке" составили основу функциональной нагрузки бытописания как жанрообразующего признака комической поэмы.

Многие черты русской жизни, создающие в поэме узнаваемый портрет эпохи, вводятся Богдановичем в текст вне задач комической трактовки сюжета. Так, изображая дворец и сады Амура, поэт "дает конкретное и точное описание Царского села в его тогдашнем состоянии, до перестройки старого, построенного еще Елизаветой, дворца" [10, с. 34], в произведение включены намеки "на московский маскарад 1763 г. "Торжествующая Минерва" и на организацию на счет Екатерины "Собрания, старающегося о переводе иностранных книг"" [1, с. 271]. В результате подключения к рассказу конкретных примет современности создается ощущение, что изложенные автором события происходят не в условном мифологическом пространстве, а в непосредственной близости к читателю. Сказочная фантастика поэмы оборачивается узнаваемой реальностью, а персонажи обретают достоверные черты обыкновенных русских людей. Новая эстетическая функция бытописания особенно ярко проявляется в характеристике главной героини поэмы. Душенька носит на платье "хвост в три пяди" и играет с амурами "в жмурки и в плетень"; ее купание названо "баней", а в траурной процессии слуги несут за нею все необходимые предметы дамского обихода:

Шестнадцать человек, поклавши на подушки,
Несли царевнины тамбуры и коклюшки, [...]
Дорожный туалет, гребенки и булавки... [9, с. 64]

"Как у французского баснописца Психея вышла француженкой, - замечает А.Д.Галахов, - так у нашего автора она обратилась в русскую девицу" [11, с. 201].

В применении к главной героине бытописательные мотивы выполняют характерологическую функцию. Многообразные черты реального мира и домашней обстановки, модные безделницы и наряды позволяют поэту нарисовать жизненный, психологически выпуклый женский образ. Его создание оказалось новаторским явлением отечественной словесности. "У Майкова в "Елисе" женщины только предмет комического изображения; кое-что могла подсказать Богдановичу комическая опера М.И.Попова "Анюта" (1772), но в основном Богданович должен был действовать самостоятельно, не опираясь ни на какую традицию", - замечает И.З.Серман, подчеркивая, что замечательным открытием поэта стало умение увидеть "эмоционально значительное, поэтическое в "мелочах жизни", окружающих его героиню" [10, с. 36].

Соглашаясь в целом с утверждением И.З.Сермана, заметим, что разработку женского образа Богданович начинал все же не "с чистого листа". Поиск источников, которые могли подсказать поэту подобное решение характера, заставляет обратиться к героини-комической поэме А.Попу "Похищение локона" (1712), русский перевод которой был опубликован в 1761 г., и отметить, что возможность обрисовки характера героини через окружающие ее мелочи быта Поуп открыл задолго до Богдановича. Данное обстоятельство особенно важно в свете того, что "Душенька" несет на себе следы явного воздействия "Похищенного локона", на что указывают некоторые текстовые переклички. В частности, в перечень предметов, окружающих Душеньку ("Дорожный туалет, *гребенки* и *булавки* / И всякие к тому потребные прибавки", "ясминный *букет*", "в минуту для ее услуг" готовы "полки *духов*", *зефиры* и *нимфы* "с *водами, спиртами, из разных краев света*" (курсив наш - Л.К.)), Богдановичем включены и те, что были названы Поупом в описании будуара главной героини его поэмы Белинды, где "послушница, рвением горя, / Священнодействует у алтаря", где встречаются "*преподношения всех миров*" ("аравийский *аромат*", "*гребни*", "*булавки*", "*букет*"), а "прилежным *духам* некогда плясать, / [...]" Прелестницу рой *сильфов* одевал..." [12, с. 101]. Выступив в роли внимательного читателя, сумевшего по достоинству оценить мастерство предшественника, Богданович продолжил разработку основанной Поупом традиции [13]. Художественному поиску автора "Душеньки" опыт английского поэта оказался созвучен разработкой характера героини через обрисовку бытовых безделиц, умением найти поэзию в "мелочах жизни".

В целом же поэма Богдановича демонстрировала новое отношение к быту, чуждое гротескной условности и натуралистичности. Автор "Душеньки" нигде не допускал тех "площадных красот и веселости дурного тона", в наличии которых в "Елисе" Майкова упрекал Белинский.

Примечательно, что, перерабатывая поэму, Богданович стремился исключить из созданного им поэтического мира те атрибуты, которые относились к сфере "низкого" быта. Так, из рассказа о триумфе Венеры он изнял строки, в которых тритоны "смывают падшу грязь" у ног богини, а из рассказа об угощении Душеньки во дворце - образ амура, который "рюмки наливал" [14, с. 37]. Быт в поэме оказался освещен новым отношением, он предстал в эстетизированном облике.

Таким образом, в "Душеньке" произошло изменение функциональной нагрузки бытописания. Несмотря на то, что оно продолжало использоваться для целей трагестийного снижения "высоких" персонажей, с него были сняты задачи реализации пародийной установки текста и осуществления сатирического задания. Вместе с тем бытописание стало выполнять и иные функции, уже не связанные с задачами комического освещения персонажей и событий, - функцию создания полновесной материальной среды, окружающей героиню, и функцию характеристики.

Литература

1. Гуковский Г.А. Русская литература XVIII века. М., 2003.
2. Ирои-комическая поэма. Л., 1933.
3. Десницкий В. О задачах изучения русской литературы XVIII века // Ирои-комическая поэма. Л., 1933. С. 9-71.
4. См., напр.: Западов А.В. Творчество В.И.Майкова // Майков В.И. Избранные произведения. М., Л., 1966. С. 41-44.
5. Майков Л.Н. О жизни и сочинениях В.И.Майкова // Майков В.И. Сочинения и переводы. СПб., 1867. Сходное мнение было высказано Г.А.Гуковским, который писал, что введение в поэму жанровых эпизодов из жизни представителей общественных низов было "литературной игрой поэта-дворянина в демократизм" [1, с. 355-356].
6. Николаев Н.И. Жанр бурлеска в творчестве русских писателей 60-х-70-х годов XVIII века // О жанрово-стилевом своеобразии (по страницам литературы). Ташкент, 1985.
7. См.: Шруба М. Барков и Майков // Новое литературное обозрение. 1995. № 14. С. 139-144.
8. Лебедева О.Б. История русской литературы XVIII века. М., 2003.
9. Богданович И.Ф. Стихотворения и поэмы. Л., 1957.
10. Серман И.З. И.Ф. Богданович // Богданович И.Ф. Стихотворения и поэмы. Л., 1957. С. 5-42.
11. Галахов А. История русской словесности, древней и новой. Т. 1. СПб., 1880.
12. Поуп А. Похищение локона. М., 1988. Курсив наш - Л.К.
13. Новаторство Поупа, проявившееся во введении в поэму бытовых подробностей, было замечено не только Богдановичем. Когда в 1788 г. в России состоялась повторная публикация "Похищения локона", на нее отозвались русские журналы: по данным Ю.Д.Левина, "ирои-комическая поэма Попа упоминалась и даже пространно цитировалась в переводных статьях, рассказывающих о быте светской женщины" (Левин Ю.Д. Восприятие английской литературы в России: Исследования и материалы. Л., 1990. С. 163).
14. Богданович И.Ф. Душенькины похождения, сказка в стихах. С. 18; Богданович И.Ф. Душенька, древняя повесть в вольных стихах. СПб., 1783.